

Константин КОМАРОВ

* * *

На прозрачные волокна
расщепляется Москва.
То Лубянка, то Волхонка,
разгоняется тоска.

А на утренней Покровке,
разодрав зари покров,
проливают полукровки
молодую полукровь.

Звуки мяты, буквы — броски,
но темно значение слов.
Вот И. Б. — Иосиф Бродский?
Иоанн ли Богослов?

Вот в метро фанаты «Локо»
(одобрительный привет),
вот читает Джона Локка
дева преклонных лет.

Поумерь свою гордынку —
верь, и бойся, и проси.
Выезжает на Ордынку
нужное тебе такси.

Если душу ты, как вилы,
следом по воде укрыв,
то теперь спокойно вылей
жизни красочный акрил.

Жаркий, жалостливый, скользкий
век идет, тебя храня.
Об асфальт сырой московский
раскололась дыня дня.

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Дети Ра» и др. Автор нескольких книг стихов и сборников литературно-критических статей. Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Победитель «Филатов-феста-2020». Лауреат премии «Восхождение» (2021). Лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы». Живет в Липецке.

И отпущенный с поличным,
ты найдешь себе приют
в рытвинах равнин столичных,
что покоя не дают.

Вырос мир — уже не детский —
и его не превозмочь.

Проступает Павелецкий.
Спрячь себя отсюда прочь!

* * *

Хитросплетение стихотворения,
букв хохоточек — чахоточных крох
аннигилирует ангелов пение,
если под вдохом таится подвох.

Воздух набряк ноябрем ненаписанным,
дымные думы катаешь во рту,
ловишь лишь отблески звездного пирсинга —
с пирса балкона в квартирном порту.

Все закаляешь умение редкое
хором соленым баззлать сквозь баззлать,
тает строка подъязычной таблеткою,
татем таится, боится сказать

некую главную весть невместимую,
песню густую в уста переплесть,
что, словно ливень, не требует стимула
биться прозрачно в балконную жесьть.

СПб-42

Им говорили — полакайте,
они лакали — че уж там.

А я содрал с себя коросты
блестящих дедовских погон.

Я зарекался — о блокаде,
но шепот вьется по рядам.

Я вижу, как над Пискаревским
горит огонь.

На все имеют счет задроты,
им отвечает тишина,
когда на водное ведро ты
горстей не разводил пшена.

Горит.
Огонь.

* * *

Словно пенальти паненкой,
участь моя легка:
пенка ведь — просто паника,
паника молока.

Счастье — пустое, куцее —
вызлив в ухмылке рот,
грустными плоскогубцами
вытянуть гвоздик тот.

Гребаными ужимками
не пробавляться чтоб,
удаль нужна мужицкая —
гвоздик забить во гроб.

Множатся быта ужасы,
слезный давя крющон.
Жаль, что такого мужества
начисто я лишен.

Что же со мною мучиться?

Ясно.
И хорошо.

* * *

Не ровня я для января,
я — марту марлевому ровня,
когда подснежные моря
несут угрозу для здоровья,

Стареет стерео в ушах,
мурлычет сонно старый «Сони»,
и отрывается душа
ночных своих привычек совых.

когда даешь себе зарок
догнать свой новый год поджарый,
и солнца ледяной жирок
тихонько прячется под жабры.

И реже все в зрачках гостит
малинового мела пудра,
когда раскатист свист кости
в нутро вползающего утра.

И глухнет безударный смех,
но воскресает кровь под кожей,
пока мелькает мелкий снег,
на дождь все более похожий.

* * *

Воспоминания о прошлом,
о лицах — светлых и родных,
как снега гипсовые крошки,
ссыпаются за воротник

и по зиме куда-то тащат
меня, но крепнет боль в душе,
что с памятью о настоящем
не справлюсь в будущем уже.